

Путь в никуда.

(по поводу статьи С. Глазьева¹)

Статья Сергея Глазьева "Борьба с инфляцией" стала одним из самых заметных явлений в предвыборной кампании 1993 года. И не только потому, что эта статья заняла всю первую страницу самого читаемого в стране экономического еженедельника "Экономика и жизнь", но и потому что в этой статье один из наиболее талантливых российских экономистов систематически изложил претензии оппозиции к экономической политике нынешнего правительства.

По мнению Сергея Глазьева, стандартные методы макроэкономической стабилизации неприменимы в России, поскольку здесь отсутствуют адекватные микроэкономические механизмы, а именно ценовая конкуренция и банкротства предприятий.

Слабость и неэффективность ценовой конкуренции С. Глазьев связывает с высокой степенью монополизации российской экономики, в которой, по его словам, в большинстве отраслей свыше 80% продукции выпускается одним или двумя предприятиями. При этом Сергей Юрьевич однако забывает упомянуть о том, что это "большинство отраслей" представляют собой отрасли военно-промышленного комплекса, в которых и потребитель продукции только один – Министерство обороны.

Впрочем разговоры о высокой степени монополизации российской экономики, активно ведущиеся у нас в стране и за рубежом, остаются разговорами, пока они не подтверждены фактологическими исследованиями.

Между тем недавно проведенное группой американских экономистов сравнение степени монополизации различных отраслей в США и России показало что, вопреки распространенному мнению:

- крупнейшие российские предприятия имеют меньшие размеры, чем крупнейшие предприятия в большинстве развитых стран;
- на крупнейшие российские предприятия приходится весьма скромная доля производимой продукции;
- в российской невоенной промышленности очень мало предприятий монополистов, а сами предприятия-монополисты сравнительно невелики по размерам; на эти предприятия приходится всего 0,2% выпуска гражданской

---

¹ С. Глазьев «Борьба с инфляцией», еженедельник «Экономика и жизнь», 1993 г. № 47 (ноябрь).

продукции;

- степень концентрации производства в американской обрабатывающей промышленности по крайней мере не меньше, чем в российской;

- фирмы с доминирующим положением (доля на отдельном рынке свыше 35%) не доминируют в народном хозяйстве – их доля в общем объеме продукции составляет 7,6%.

Таким образом, аргумент о высокой степени монополизации российской экономики просто не выдерживает проверки фактами.

Что же касается необходимости института банкротства для достижения успехов в антиинфляционной политике, то здесь С. Глазьев становится жертвой того самого догматического подхода к экономической политике, в котором он обвиняет российское правительство.

Доктору экономических наук Глазьеву прекрасно известен опыт экономических реформ и осуществления программ стабилизации в странах Восточной Европы. Как раз этот опыт и опроверг расхожую догму о необходимости банкротств для успеха программ стабилизации. В Польше, которая сейчас может однозначно считаться образцом успешной стабилизации, банкротств не было вообще. В других странах, добившихся аналогичных успехов (Чехия, Эстония, Латвия), банкротства исчисляются единицами. Так что неудачи антиинфляционной политики в России никак не могут быть связаны с отсутствием или наличием института банкротства.

Немало места в статье С. Глазьева уделено критике конкретных антиинфляционных мер правительства. С некоторыми его доводами трудно не согласиться. Действительно, секвестирование бюджетных расходов крайне дестабилизирует работу бюджетных отраслей народного хозяйства.

Однако вслед за этим следует вывод о том, что величина бюджетного дефицита не оказывает влияния на темпы инфляции. Действительно, такой однозначной связи нет: темпы инфляции определяются суммарным воздействием трех факторов – бюджетного дефицита, кредитов Центрального банка коммерческим банкам и покупки валюты Центральным банком, при этом бюджетный дефицит ответственен примерно за 50% инфляции в прошедшие два года (1992-1993 годы).

По поводу централизованных кредитов С. Глазьев сетует, что из-за отсутствия структурной и промышленной политики распределение кредитных ресурсов осуществляется путем торга между конкурирующими группами давления.

Тут все перевернуто с ног на голову. Как раз из-за сильнейшего лоббизма конкурирующих групп давления оказывается невозможным проведение какой бы то ни было осмысленной промышленной политики.

Можно подумать, что если С. Глазьеву дадут возможность такую политику разработать, то лоббистские группы умерят свои аппетиты и послушно согласятся с приоритетами селективной политики, выработанными в тиши кабинетов на основе научного анализа и государственных интересов. Как бы не так – ведь речь идет об очень больших деньгах.

Серьезно критикуется в статье также политика стабилизации обменного курса валюты. Действительно, стабилизация курса валюты негативно повлияла на конкурентоспособность отечественных товаров. Однако следует помнить, что ни правительство, ни Центральный банк не провозглашали своей целью стабилизацию валютного курса и не прикладывали для этого специальных усилий. Даже наоборот – ЦБР осуществлял скупку валюты для предотвращения чрезмерного падения курса доллара.

Стабилизация курса, таким образом стала закономерным результатом политики финансовой стабилизации, результатом изменения поведения рыночных субъектов и новой ситуации на рынке.

Недовольные же будут всегда. Только вчера мы слышали крики негодования по поводу того, что курс доллара безумно завышен и нужны массированные субсидии импортерам. Сегодня заводят другую песню: курс доллара занижен, нужны субсидии экспортерам. Смысл здесь один – многие российские предприятия с установлением более реалистичного валютного курса российского рубля потеряли сверхприбыли, которые они получали от экспорта, или стали более открытыми для конкуренции со стороны импортируемых товаров.

Но говорить о том, что нынешний курс валюты подрывает конкурентоспособность отечественной промышленности (как это делает С. Глазьев) – это значит быть очень далеко от истины. Ведь даже при существующем валютном курсе цены в России в 4 раза ниже чем в США, а заработная плата – в 20 раз ниже.

Что же предлагается взамен "иррациональной догматической экономической политики"? Как выясняется, все то, чем сейчас занимается правительство: формирование механизма рыночной конкуренции на микроуровне, законодательство об ответственности по контрактным обязательствам, развитие арбитражных судов, эффективная приватизация. Но все эти меры могут быть реализованы лишь постепенно – а с инфляцией надо бороться немедленно.

Между тем по главным проблемам антиинфляционной политики – кредитно-финансовым – Сергей Глазьев никаких решений не предлагает. Но альтернатива здесь жесткая: либо ограничительная политика, которой придерживается нынешнее правительство, либо безответственная кредитная эмиссия, ведущая к гиперинфляции, к немедленному краху национальной экономики по украинскому образцу.

Впрочем, еще одну меру представляет автор в качестве антиинфляционной – это создание промышленно-финансовых групп. Из заключительных абзацев статьи мы узнаем, что реализуемая сегодня политика приватизации, ориентированная на дезинтеграцию сложившихся объединений предприятий, усиливает инфляцию, поскольку "свободные цены теперь устанавливаются там, где раньше цены устанавливались в соответствии с внутривозводской кооперацией". И наоборот. По мысли автора, создаваемые государством финансово-промышленные группы, несмотря на свое монопольное положение, будут стабилизировать цены.

Чем объяснить это противоречие в тексте одной статьи: с одной стороны, монополизм – основная причина инфляции, с другой стороны – демонополизация тоже усиливает инфляцию. Я полагаю, только интересами предвыборной кампании. Только этим можно объяснить ситуацию, когда экономист с европейским образованием забывает азы экономической теории, игнорирует опыт других стран и, наконец, впадает в логическое противоречие с самим собой.

Статья С. Глазьева – это лучшее подтверждение бесплодности всех попыток центристской оппозиции найти третий путь к рынку. Есть только два пути: путь, которым идет большинство стран мира, путь либеральной реформы, и путь назад, к командной системе. Третий путь – путь иллюзий, путь в никуда.